

#ONLINE-БЕСТСЕЛЛЕР

Мария Британ

#БОЯТЬСЯ
НУЖНО МОЛЧА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б87

Б87 **Британ, Мария.**

Бояться нужно молча : роман / Мария Британ. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 384 с. — (ONLINE-бестселлер).

ISBN 978-5-17-108321-2

Город номер триста двадцать заботится о своих гражданах. В городе номер триста двадцать давно царят закон и порядок — за этим пристально следят компьютеры. Но что, если идеальная система даст сбой? И что, если в действительности она не так уж идеальна?..

Искать ответы на эти вопросы Шейру Бейкер заставляет встреча с таинственным незнакомцем. Чтобы спасти сестру и других невиновных, ей предстоит проникнуть в центр правосудия — к серверам, где хранятся людские проступки. Но в обмен на чужие тайны Шейре придется пожертвовать собственными, даже если она привыкла бояться. Бояться молча.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-108321-2

© М. Британ, 2017
© Shutterstock, Inc., фотография на обложке, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2017

*Спаси меня, я заблудилась.
Ты слышишь? Я ещё жива.
В тот день без устали молилась,
Забыв все нужные слова.*

*Я так слаба и так ничтожна.
Скажи, ты жив? Я в темноте.
Нам всё нельзя и много можно.
Ты здесь... Ты рядом. Ты везде.*

*Я слепну в этом полумраке.
Забилась в угол и лежу.
Я сломана. И пусть я с браком,
Ты слышишь?
Я
ещё
дышу.*

ПРОЛОГ

Мы сидим на белой твердой кушетке. Втроем. Мы всегда втроем, и в этом наша сила.

Я улыбаюсь Альбе, но кажется, ей не страшно. Она отважная. Не то что я. Ник тянется к столу.

— Чего тебе? Колбочку? — будто взрослая, качаю головой я. Так делает мама, когда я плохо себя веду. Мне нравится за ней повторять.

Я хочу порадовать друга, но колба лежит слишком высоко. Спрыгнуть с кушетки? Страшно. Обратного не залезу, и Утешители будут ругаться.

— Шейра, не нужно! Он забыл, видишь? — фыркает Альба, указывая на играющего с дыркой в носке Ника. — Да, братик? — Она втягивает щеки. — Привет, я Дори. И у меня беда с краткосрочной памятью.

Я проглатываю смешинку. Этому мультику много-много лет, но он — мой любимый.

— Бяка-забияка, — ворчит Ник.

Альба рада такой реакции. Еще бы, поддела брата.

Я не достаю до колбы, зато до странного прозрачного шарика — запросто. Как интересно! Что это?

— Дарю, — говорю я и протягиваю добычу Нику. Тот мотает головой.

— Ну и ладно.

Я прячу шарик в карман, чтобы дома рассмотреть получше, и уже не грущу, что попала сюда. Оказывается, в больницах тоже бывает весело. Когда не больно.

— Сколько здесь всего! — бубнит подруга, поглядывая на шкаф.

Она начинает нервничать. Как только мы вошли, я сразу заметила это деревянное чудовище со стеклянными дверцами. В нем хранятся и огромные шприцы, и ножницы, и еще куча страшных вещей. Не знаю, для чего они, но у меня море догадок. Одна ужаснее другой.

Боюсь даже представить, что скрывается за белой ширмой возле окна.

Родители хитрые — подкупили меня шоколадкой. Но пусть не думают, что в следующий раз я соглашусь. Даже килограмма конфет мне будет мало. Даже второго прозрачного шарика. Я сюда не вернусь.

Ни за что.

— Давай сбежим, — предлагаю я.

— Нас будут ругать, Шейра! — отрезает Альба.

Вот всегда она такая правильная. Аж зубы сводит.

— Хочешь, чтобы это, — я кошусь на огромный шприц в шкафу, — торчало из твоей руки?

— Нет. — Голос дрожит. Она вот-вот заплачет.

— Альба, давай сбежим! — кивает Ник, прижимаясь к сестре. — Пожалуйста!

Мы спрыгиваем. Обратной дороги нет. Без Утешителя нам не забраться на кушетку. Он ушел недавно и сказал его подождать.

Крадемся к выходу. Мы с Ником едва сдерживаем радостный крик, Альба — крик отчаяния. Дверь открыта. Выглядываем: никого. Впервые я иду здесь без родителей. Как взрослая. Видели бы они меня сейчас!

Несемся вдоль закрытых кабинетов. Коридор разделяется на две части. Куда повернуть? Я не помню, как мы сюда пришли!

— Альба, Ник, Шейра! Вы куда? — летит нам вслед вопрос Утешителя.

Я не сбавляю скорости. Подруга, наоборот, останавливается и визжит:

— Бегите! Я его задержу!

Я слышала эту фразу в фильме — забыла, в каком, — и не могу сдержать улыбку. Мы похожи на героев боевика! Смелые, сильные и... взрослые.

Я хватаю Ника за руку и тяну за собой. Он не хочет бросать сестру, но я заставляю. Оглядываюсь: один Утешитель держит Альбу, другой идет за нами.

Мне не страшно. Это игра. Веселая игра. Родители, наверное, удивятся, когда узнают о моих приключениях.

Я толкаю первую попавшуюся дверь, и она поддается. Слабо мерцает настольная лампа. Здесь никого

нет. Комната выглядит так же, как и та, в которой мы были.

Мы с Ником прячемся за ширму. Я трясую указательным пальцем перед его лицом:

— Сиди тихо!

За нашими спинами ютится столик. На нем блестят ножницы и... колба. Я тянусь к ней, чтобы порадовать друга, но меня пугает грохот: кто-то вошел, и дверь ударилась о стену. Я дергаюсь. Ножницы падают.

Слышится вскрик. Из шеи Ника торчат два кольца и лезвие. Капает кровь.

Я моргаю, но ничего не происходит. Мир наполняется красными пятнами. Я вжимаюсь в ширму — что скажет Альба? А мама с папой? Они бросят меня, точно.

Набравшись смелости, я смотрю на того, кто недавно был моим другом. Он отчаянно цепляется за ножки кушетки, но не удерживается и падает. Рядом появляется алая лужица.

Кап-кап.

Кап.

Прости, Ник. Я убила тебя... нечаянно.

ГЛАВА 1

Я окунаю кисть в бордовую краску и рисую на голени гематому. От напряжения слезятся глаза, но осталось совсем немного. Мы превращаемся в существностей. Кир крутится перед зеркалом, довольный новой внешностью. В его руках — парик с короткими седыми волосами, который он натягивает на почти лысую голову. Впрочем, почти лысая она для меня. Кир утверждает, что это — «ежик».

— Как-то ты долго сегодня, — нетерпеливо прыгает он.

Спортивная кофта трещит от резких движений. Она предназначена для парней-спичек, а Кир явно не вписывается в эту категорию. Миллион спичек — да, но никак не одна. Когда-то я подарила ему свитер на пару размеров больше, и он не разговаривал со мной целый день.

Кир хватает парик с длинными локонами. Целится. Мою макушку накрывает копна седых волос.

— Я ведь ногу крашу! Слепой, что ли?

Я срываю фальшивую прическу и швыряю ее в коробку с одеждой.

Здесь, среди реквизита и невымытой посуды, находится наша контора. Штаб. Убежище. Горы хлама подпирают потолки, в углах мигают лампы. Вместо обоев стены украшает паутина. Пол утыкан железками,

и я боюсь, что когда-нибудь пасть конторы сомкнется и эти клыки окажутся у меня в ступне.

Треснувшее зеркало (да, я не верю в приметы), стол с красками, прогнившая кровать — вот и все, что нам нужно для счастья. И для кармы.

Я не поступила в Университет и теперь отвоевываю жизненно важные гигабайты в Сети. Я зарабатываю на пранках*.

Мы с Киrom дружим с детства. Когда нашли эту заброшку, были счастливы. Что здесь строили? Магазин? Лицей? Фитнес-центр?

Плевать. Сейчас здесь наша жизнь.

Второй этаж задыхается в пыли и плесени, но нам хватает и маленького зала. Деревянная лестница уже год как треснула.

Я бросаю кисть в воду. Работа завершена.

— Сегодня вообще улет! — усмехается Кир, изучая гематомы на моей щеке и ногах.

— Благодарю вас, коллега, — шутливо кланяюсь я. — Неужели мои уши не свернутся в трубочку от вашей «конструктивной» критики?

— А вы хотите?

— Нет, что вы. Я люблю свои уши.

Я достаю из коробки парик и кручусь у зеркала. Вот теперь все готово: я — сущность, голодное чудовище с белыми глазами и неестественно бледной кожей.

Карие радужки и зрачки скрываются за линзами. Мои темные, почти черные волосы закреплены шпильками, лицо намазано серым, как грозовая туча, тональным кремом, и мне кажется, что скоро я начну метать молнии.

— Возьми перчатки! — кричит Кир.

* Пранк — розыгрыш. — *Здесь и далее примечания автора.*

Последний штрих — ладони. Линия жизни бойко пульсирует: я «наелась» кармы до отвала. Об этом говорит и маленький экран-индикатор, вшитый в кожу чуть выше правого запястья. Он светится зеленым. Десять гигов*.

Я поправляю бежевое клетчатое платье и беру белые кашемировые перчатки.

— Идем?

— Ща, погоди.

Кир увлекся очередной гематомой. У меня есть как минимум десять минут.

Чем бы заняться?

Бросив перчатки обратно, я снимаю белые линзы и хватаю со стола другие — сетевые. Сеть засасывает реальный мир во тьму, словно сок в трубочку. Я попадаю в виртуальный коридор — испещренную ранами-дверями гусеницу — и приказываю нематериальному телу войти в ближайшую комнату.

На стене висит экран. Я щелкаю пальцами, чтобы его активировать. Загружается архив моих фото. Первая же папка — «Семья». То что нужно: я не видела родителей и сестренку, наверное, вечность.

На этом снимке мы вдвоем — мама, папа и я на фоне нового дивана. Здесь Элла задувает двенадцать свечей на торте. Свежее фото. А потом — мы с папой играем в шахматы. В тот раз — дебютный и последний — я победила и записала свои ходы в планшет, чтобы не забыть, а мама подарила мне пояс с блестками, красивый такой, сейчас я ношу его как украшение и почти никогда не снимаю. Дальше мельтешат фото родителей и незнакомого мужчины в очках. Хмурые глаза, увеличенные толстыми линзами, дорогие часы... я бы дала ему лет шестьдесят.

* Гиг — единицы измерения информации.

Глубокие морщины, тонкие губы и ни тени улыбки, в то время как мама и папа сияют во все тридцать два зуба.

Комната начинает качаться — это Кир трясет меня за плечо.

Приходится вернуться в реальность.

Он вырядился в порванную рубаху и черные бриджи. Вид у него хуже, чем у меня, — перестарался с гримом.

Мы выходим из штаба. Кир защелкивает на двери замок — привычка. Здесь, на окраине, в траве по колено, все равно никто не гуляет. Конечно, чуть поодаль есть дорога, но она тоже пустует.

— Может, вернемся за масками? — Я оглядываюсь. Между деревьями мелькает двор, окруженный тремя коробками-домиками. Сегодня он — наша цель.

— Сова, ты чего?

Кир называет меня так, сколько я себя помню. Я действительно поздно ложусь и поздно встаю. Каждый раз, слыша прозвище, я не могу сдержать улыбку.

— Ладно. Мы ведь недалеко.

Я успокаиваю скорее себя, чем Кира: тот уже бодро продирается сквозь траву. Ее не косят. За штабом, где простирается заброшенная стройка, обитают сущности. Обычных горожан сюда даже кармой не заманишь.

Но... Сегодня за нашим убежищем ошиваются люди в белых костюмах — Утешители. Я кладу ладонь на плечо Кира.

— Что там стряслось?

— Ты не слыхала? Нынче модно по опасным местечкам шляться. Там подростков партиями вывозят. По сто штук. Вот дурные, да? Экстрима им подавай.

— Да ладно, — ужасаюсь я.

Путь продолжается. Кир больше не говорит о несчастных детях, и я ему за это благодарна.

Во дворе никого нет. Неудивительно: сейчас полдень, почти все на работе. Лишь гаражи да старая шелковица взяли пожизненный отпуск. Качели вяло играют с ветром.

Настало время позаботиться о линиях на ладонях.

Кир достает из кармана металлический шарик с рисунком глаза и объективом в зрачке.

— Давай сюда! — Я указываю на ветку яблони над дорогой. — Как раз будет.

Друг закрепляет камеру на дереве.

Все готово.

Я волнуюсь. Как долго мы будем ждать?

Кир замечает мое нетерпение и ободряюще хлопает меня по плечу. Мы прячемся за угол дома. Я то и дело выглядываю, но ничего не меняется. Дорога пуста.

Спустя, кажется, целую вечность, взявшись за руки, к нам приближается влюбленная парочка. Знали бы эти ребята, какое испытание мы приготовили их чувствам! И маловероятно, что они выдержат, по крайней мере, я таких еще не встречала.

Когда влюбленные проходят мимо яблони в нескольких метрах от нас, Кир мне кивает.

Пора.

Мы тащим свои тела на дорогу. Дрожим. Спотыкаемся. Хрипло дышим. Мы голодны и ищем добычу.

Мне неприятно разрушать иллюзии, но позже разочарование отступит и я разрешу себе посмеяться над чужой наивностью.

В такие мгновения я начинаю бояться себя. После каждого такого спектакля мне сложно возвращаться в образ обычной девушки Шейры.

Я... просто не могу этого сделать. Или не хочу.

Сущности честнее нас — вот единственное, во что я верю.

Мы ухмыляемся. Те двое замедляют шаг. Расстояние между нами сокращается. Они все слабее держатся друг за друга.

Да, влюбленные в биомасках, но от суеверного ужаса перед сущностями ни одного человека в городе это не спасает.

Они пытаются сохранить спокойствие. И хоть их глаз не видно, я знаю: они смотрят на нас.

Между нами остается не больше метра. Я улыбаюсь шире. А они стойкие! Обычно людям хватает двух секунд, чтобы смекнуть: время уносить ноги.

Кир издает свой фирменный хрип. Влюбленные напрягаются. Я тянусь к ним руками, точно поломанными ветками.

Оба взвизгивают — так звучит последняя капля.

Страх разрезает все связывающие парочку нити. «Их» больше нет. Есть только он, отталкивающий свою бывшую возлюбленную, и она, не жалеющая для нас, сущностей, криков и бессвязных слов.

Юноша бежит, спотыкается, падает, поднимается и снова бежит. Не оглядывается. Не вспоминает о том, что именно минуту назад говорил ей, своей кошечке. Или зайке?

Он отдает зайку на съедение волкам и не жалеет об этом.

Я тащу ее, рыдающую и испуганную, за угол. К нам присоединяется Кир с камерой. Он прижимает указательный палец к губам девушки, но та его царапает.

— Твою мать!.. — вскрикивает Кир, отдергивая руку.

«Зайка» что-то нашептывает себе под нос.

— Прости. — Я протягиваю ей флешку с гигом кармы. — Заслужила.

Мы молча уходим. Я чувствую спиной тяжелый взгляд жертвы нашего розыгрыша. Мы раскрыли ей

глаза, показали, что этот парень недостоин ее любви, но я уверена: она нас ненавидит. В городе номер триста двадцать не любят трезво смотреть на вещи. Это больно.

До штаба Кир шагает впереди. Он знает, что сейчас меня лучше не трогать, и дает мне время прийти в себя.

Кир скрывается за дверями конторы, а я прислоняюсь лопатками к стене. Пора превращаться в добрую Шейру. Я снимаю перчатки — линии на ладонях короче, чем до пранка. Проверяю индикатор — оранжевый. Прогулка без масок не прошла бесследно, но я ношу с собой запасную флешку. Поддеваю ногтем экран, обнажаю разъем USB и наполняю себя кармой. Легкое покалывание в пальцах, тепло — индикатор окрашивается в зеленый.

Ветер хлещет меня по лицу. Должно быть, у него черный пояс по карате и он ищет достойного соперника. Лето невзлюбило людей, но я его не осуждаю. Зачем нас, тех, кому предать — раз плюнуть, вообще согревать лучами солнца?

Я глотаю воздух. На небе танцуют облака. Их оплетают бесконечные сети путей, мелькающих машин и кабин. Все на работе — мы отработали.

Каждый такой розыгрыш изматывает не меньше целого дня, проведенного в офисе, но я все равно снова и снова возвращаюсь к пранкам. До сих пор надеюсь встретить нормальных людей. Людей, которые не предадут. Попадутся ли они нам? Как жаль, что карма не понижается от подлости. А надо, чтобы обнулялась.

Но если так... Почему я не поседела пятнадцать лет назад? Почему меня простили и я не стала сущностью? Я не заслуживаю того, чем живу сейчас.

Кир в курсе всего, что произошло. Мы говорили об этом лишь однажды и с тех пор не затрагиваем